

Карл Густав Юнг

О психологическом понимании

Изучая разнообразные случаи раннего слабоумия, мы изумляемся чрезмерному множеству символических фантазий, тщательно разработанных больными. В 1903 г. я в первый раз приступил к анализу параноидного случая раннего слабоумия, изложенному четыре года спустя в моей работе *Психология dementia praecox*. Несмотря на несовершенство тогдашних технических приемов, я к крайнему своему изумлению увидел, что все эти на первый взгляд совершенно непонятные идеи и фантазии сравнительно легко поддаются разбору.

Некоторое время спустя (в 1911 г.) сам Фрейд издал анализ подобного же случая: это весьма известный в немецкой медицинской литературе случай Шребера, тщательно разработанный посредством утонченной аналитической техники. Сам больной не был подвергнут анализу, но так как им была опубликована весьма интересная автобиография, то нужный материал был налицо.

В этом своем труде Фрейд вывел наружу те инфантильные основания, на которых зиждется вся система иллюзий и галлюцинаций. Так например, ему удалось весьма искусно свести чрезвычайно характерные фантазии больного, относившиеся к его врачу, которого он отождествлял если не с самим Богом, то по меньшей мере с неким божественным существом, а также и некоторые другие столь же необычные и даже богохульные представления, к инфантильным отношениям больного с его отцом. По собственным словам автора он ограничился указанием тех оснований, на которых зиждется всякий психический продукт. Однако этот редуктивный процесс, составляющий сущность анализа, не привел к результатам, выясняющим столь богатый и изумительный символизм такого рода больных, несмотря на то, что этих результатов, казалось бы, можно было ожидать, судя по применениям того же метода в области психологии истерии. Редуктивный метод, по-видимому, лучше подходит к истерии, нежели к раннему слабоумию.

Просматривая недавние изыскания Цюрихской школы (Мэдера, Сабины Шпильерэйн, Гребельской, Ильтенса и Шнейтера), можно получить совершенно верное понятие о прямо необъятной символической деятельности такого рода ненормальной психики. Некоторые из названных авторов, применяя, подобно Фрейду, редуктивный метод, по существу, объясняют сложные системы фантазий более просто, сводя их к общим элементам, но подобного рода объяснение оказывается не вполне удовлетворительным. Хотя сведение к простейшему и более общему образцу до известной степени и освещает данную проблему, оно по-видимому не в состоянии принять во внимание все подавляющее множество символических продуктов.

Поясню это следующим примером: мы благодарны комментатору Фауста Гете, когда он, разбирая и оценивая многочисленные лица и сцены второй части поэмы, приводит их исторические прообразы, или посредством психологического анализа выявляет соотношение конфликта драмы с личным конфликтом души самого поэта, тем самым указывая, что этот личный конфликт, если взять его в более широком смысле, вытекает из тех чисто человеческих начал, что никому из нас не чужды, ибо зародыши их запечатлены в наших сердцах. Все же мы несколько разочарованы, ибо никто не читает Фауста для того лишь, чтобы признать все окружающее нас "человеческим, слишком человеческим". Это мы и так слишком хорошо знаем. Пусть тот, кто еще не уверился в этом, решится хоть раз взглянуть на жизнь без предубеждения, открытыми глазами. Ему придется признать преобладание и могущество "слишком человеческого", и он снова жадно примется за Фауста, но не с целью и

тут найти только что виденное им, а для того, чтобы изучить отношение Гете к этому "человеческому" и то, каким способом он достиг освобождения своей души. Раз уже установлено, к каким историческим личностям и событиям относится символизм второй части Фауста и до какой степени тесно он сплетается с лично-человеческими переживаниями своего творца, то вопрос исторического определения будет для нас менее важен, нежели разгадка действительной цели поэта и его символического творения. Исследователь же, метод которого исключительно редуктивен, видит последний смысл в началах человеческих; он и не требует иного объяснения, как сведение неизвестного к известному и простому. Я назвал бы подобное понимание ретроспективным. Но существует и другой способ понимания, не аналитический и редуктивный, а в самой сущности своей синтетический или проспективный (предвосхищающий). Предлагаю дать ему название проспективного понимания, соответствующему же методу — метода конструктивного.

Общепризнанным является тот факт, что современный способ научного объяснения исключительно основан на каузальном принципе. Мы убеждены, что нами понято и объяснено все то, что аналитически сведено к причине своей или к общему своему принципу. Таким образом, фрейдовский метод толкования строго научен.

Однако применяя его к Фаусту, мы убеждаемся, что он явно недостаточен. Мы вовсе не приближаемся к глубочайшему содержанию мышления поэта, если видим лишь общие предпосылки для обыкновенных человеческих заключений. Их можно найти и иным путем. Фауста для этого не нужно. Благодаря Фаусту мы хотим уразуметь, каким образом Творец его обновил свое индивидуальное существование, и когда это нам удастся, то и символ, благодаря которому Гете дал нам узреть разрешение проблемы индивидуального искупления, становится понятным. Конечно, в таком случае нам легко впасть в ошибку и вообразить, что мы поняли и самого Гете; между тем этого нужно остерегаться и скромно довольствоваться пониманием самого себя благодаря Фаусту. Кант дает весьма глубокое определение "понимания": он говорит, что оно состоит в постижении вещи в той мере, которая достаточна для данной цели.

Такого рода понимание несомненно субъективно, а не научно, по крайней мере для тех, кто отождествляет научное объяснение с каузальным. Но дело в том, что значимость подобного отождествления еще подлежит обсуждению, и я, со своей стороны, вынужден выразить сомнение в его неоспоримости, по крайней мере в области психологии.

Правда, мы говорим об объективном понимании, когда применяем принцип каузальности; на самом же деле понимание, при каких бы то ни было условиях, есть чисто субъективный процесс. Мы приписываем качество объективности известному роду понимания, дабы отличить его от другого, которое считается субъективным. Нынешняя установка признает научным исключительно объективное понимание, вследствие его общей значимости. Этот взгляд, несомненно, верен, когда дело идет не о психологическом процессе как таковом, т. е. для всех тех научных областей, которые не могут никак быть отнесены к психологии.

Объективное (т. е. каузальное) толкование Фауста подобно применению к какому-либо скульптурному произведению исторической, технической, наконец, и минералогической точек зрения. Где же таится настоящий смысл данного произведения? Как найти ответ на наиболее важный вопрос: какова была цель его творца? Как каждому из нас субъективно понимать его произведение? Научному мышлению подобный вопрос представляется праздным и не имеющим научного значения. Он нарушает принцип каузальности, ибо очевидно спекулятивен и конструктивен. Большой заслугой современного мышления является преодоление спекулятивного духа схоластики.

Но если мы действительно хотим понять нашу собственную психику, необходимо признать тот факт, что всякое понимание обусловлено субъективно. Окружающий нас мир не исключительно объективен — он также и таков, каким мы его себе представляем. Когда мы говорим о психике, то еще более несомненно, что и она такова, какою мы ее себе представляем. Разумеется возможно смотреть и на психику так же объективно, как, например, на Фауста, на готический собор или на Исповедь св. Августина. Признание или непризнание ценности современной экспериментальной психологии и фрейдовского психоанализа зависят от объективного их понимания. Научное каузальное мышление неспособно к проспективному пониманию; единственный способ его понимания — ретроспективный. Но это понимание лишь частично. Другая же часть полного понимания — проспективна, или конструктивна. И, если мы не в состоянии применять проспективное понимание, это лишь доказывает, что мы не можем схватить существеннейшую функцию психического. Если бы психоанализ, следуя учению Фрейда, был в состоянии обнаружить существование несомненного отношения между Фаустом и развитием инфантильной сексуальности Гете, или же, следуя учению Адлера, между инфантильным стремлением к могуществу и взрослым человеком с его работой, то этим была бы разрешена весьма интересная проблема, именно было бы разобрано, каким образом величайшее произведение искусства может быть сведено к финальным элементам, общераспространенным и обретаемым всюду и у всех людей. Но преследовал ли Гете подобную цель и желал ли он вызвать подобный интерес? Хотел ли он быть понят таким способом?

Подобное понимание, несомненно, научно, но, тем не менее, и совершенно недостаточно. Вышесказанное значимо для психологии вообще. Исключительно каузальное понимание психики равносильно частичному ее пониманию. Каузальное объяснение Фауста освещает лишь способ, каким образом поэма эта приняла законченную форму; но при этом от нас ускользает живой ее смысл. Этот смысл может стать живым, лишь если мы в него проникаем собственным опытом. Поскольку настоящая наша жизнь, та, которую мы в настоящее время переживаем на земле, является чем-то существенно новым, а не одним повторением прошлого, постольку и главная значимость подобного творения не может заключаться в его каузальном развитии, а лишь в живом его влиянии на собственное наше существование. Смотреть на него лишь как на нечто законченное равносильно развенчиванию его. Фауст вполне понят, лишь когда осмыслен как нечто ожившее на собственном нашем опыте и потому вновь и вновь становящееся творческим.

Точно такую же точку зрения необходимо применять и к человеческой психике. Лишь известная часть ее тщательно разработана и является результатом истории. Другая же ее часть — творческая; ее можно понять лишь систематически или конструктивно. Каузальная точка зрения исключительно занимается вопросом о том, каким способом образовалась настоящая наша психика, та, какую мы сейчас наблюдаем. Конструктивная же ищет способ перекинуть мост от настоящего нашей психики к ее будущему.

Разница между обеими этими точками зрения яснее всего видна на их различном отношении к символам сновидений. (Все уже сказанное мною о конструктивном понимании фантазии при раннем слабоумии значимо для символа вообще). Фрейд в Толковании сновидений утверждает, что палка, копье, ружье, меч и т. д. в сновидении суть лишь фаллические символы. Никто и не станет оспаривать, что с точки зрения редуктивного толкования это, несомненно, справедливо. Но те же символы имеют совершенное иное значение при толковании конструктивном. Один из моих больных, человек крайне слабовольный, ленивый и бездеятельный, имел следующее сновидение: "Некто вручает ему старинный меч совершенно особого вида, украшенный старинными, как бы волшебными письменами. Он страшно радуется этому подарку". В это время сновидец был болен легким

чисто физическим расстройством, вызвавшим в нем преувеличенный страх, так что он впал в совершенное уныние и бездеятельность. Он сразу потерял всякую радость и интерес к жизни.

Следует отметить, что он, несомненно, находился под сильным влиянием так называемого отцовского комплекса и страшно желал обладать фаллическим могуществом своего отца. Это и было его инфантильным заблуждением: он не желал ничего лучшего как овладеть жизнью архаически-сексуальным способом. Сводя символы этого сновидения редуکتивно к инфантильной сексуальности, мы получаем здесь приемлемый результат. Но и самому больному все это прекрасно известно; принять подобное толкование не представляет для него затруднений, но и не дает ему ничего нового.

Вот его ассоциации к вручившему меч: "Молодой его друг тяжело болен туберкулезом, так что даже считался безнадежным; поразительно было видеть, как этот молодой человек выносил свои страдания; выдержка, мужество и надежда его были прямо изумительны; он часто говорил: "Я решил, что не умру, но буду жить". Сила воли его такова, что в конце концов он превозмог болезнь и выздоровел. Это был истинный образец мужества". Ассоциации к мечу: "Старинный бронзовый меч, выкованный в незапамятную эпоху. Письмена напоминают мне древние наречия и исчезнувшие цивилизации. Меч есть заветное наследство человечества, оружие, служившее для нападений и отражения, защита в опасностях жизни".

Ясно, что молодой его друг был ему неоценимым примером того, каким образом благодаря твердой и бесстрашной решимости возможно преодолевать жизненные затруднения и опасности. Слова "я решил" (I will) являются выражением, издавна унаследованным человечеством и помогающим ему противостоять бесчисленным опасностям. Это как бы заветная гарантия, отличающая цивилизованного человека от животного, исключительно повинующегося безгласному инстинкту и естественным законам. Данное сновидение таким образом указывает больному новый путь, открывая ему более идеальную точку зрения, возвышающую его над детским самооплакиванием и позволяющую ему принять ту установку, которая всегда помогала человечеству преодолевать всякие угрозы и опасности.

Подобно тому как посредством анализа и редукции каузальный метод в конце концов сводит индивидуальные факты к основным всеобщим началам человеческой психологии, так и конструктивный метод, синтезируя индивидуальные наклонности, ведет к общечеловеческим целям.

В каждый данный момент психическое транзитивно, а, стало быть, с необходимостью определяется в двух аспектах. С одной стороны, в нем образно запечатлены остатки и следы всего прошлого, с другой — символически, а стало быть, в образах, выражено все то будущее, которому предстоит быть, поскольку психическое само его творит. Во всякий данный момент психическое является результатом и вершиной прошлого и в то же время символической формулой будущего. Будущее может быть лишь схоже с прошлым — в сущности же своей оно всегда ново и неповторяемо; таким образом, настоящая формула всегда несовершенна, подобна как бы зародышу по отношению к будущему. Можно сказать, что формула или отображение будущего символически, поскольку они выражают его путем аналогии. Будущее может быть предсказано лишь до известных пределов, ибо оно лишь частично может быть выражено прошлым.

Но если понимать настоящее содержание психического как символическое выражение будущих свершений, то это содержание, несомненно, требует применения к себе

конструктивных воззрений. Я чуть было не сказал "научных воззрений", но — современная наука, по-видимому, тождественна с каузальностью. Если же смотреть на психику исключительно каузально, то творческая ее функция совершенно ускользает. При всем желании понять другую ее сторону, это никогда не удастся при исключительном применении каузального принципа, а лишь с помощью конструктивной точки зрения. Каузальное понимание сводит все психические явления к простейшему, конструктивное же разрабатывает сложнейшие настоящие содержания: таким образом оно, по необходимости, умозрительно. Схоластическое умозрение притязало на общезначимость, на долю же конструктивного понимания приходится лишь субъективная значимость. Когда приверженец умозрительной философии воображает, что постиг мироздание благодаря своей системе, он впадает в самообман: ему лишь удалось постичь самого себя, и данное самопостижение он наивнейшим образом проецирует на мироздание; это — хорошо известная основная ошибка умозрительной философии. Характерная черта современной научности представляет крайнюю реакцию на это проецирование. Современная наука пыталась создать объективную психологию. Учение Фрейда явилось вновь решительной реакцией на подобную психологию, ибо оно наоборот настойчиво выдвигает чрезвычайное значение психологии индивидуальной. Это и составляет бессмертную его заслугу. Именно это учение выдвинуло огромное значение индивидуального и субъективного в развитии объективного психологического процесса.

Субъективное умозрение не притязает на общезначимость, оно тождественно с конструктивным пониманием. Это есть субъективное творение; извне его нетрудно принять за так называемую "инфантильную фантазию" или, по меньшей мере, за несомненный ее продукт; с объективной точки зрения его и следует считать таковым, т. е. инфантильным продуктом, поскольку объективность тождественна с научностью и каузальностью. Если же смотреть на субъективное творение изнутри, то мы увидим, что оно означает искупление, Недаром Ницше говорит: "Творчество есть великое искупление страданий". [Ницше Ф. "Так говорил Заратустра". — ред.]

Применяя объективное понимание к фантазиям раннего слабоумия, мы будем вынуждены свести их к элементарным и общезначимым их основаниям. Это и делает Фрейд в вышеупомянутой своей статье. Но это лишь часть предстоящей работы. Другой же частью является конструктивное понимание данной системы фантазий. Вопрос тут в цели, которую больной хочет достигнуть, создавая их.

Современному научному мыслителю вопрос этот покажется странным. Психиатр прямо ответит пожатием плеч, ибо он глубоко убежден в общезначимости своей каузальности. Психику он знает как нечто выведенное, как реакцию; нередко можно слышать мнение, что она есть нечто вроде выделения мозга.

Но, изучая подобную болезненную систему без всякой предвзятой мысли, мы быстро убеждаемся в том, что она направлена на известную цель и что воля больного исключительно устремлена на довершение системы. Иные больные добросовестно разрабатывают свои системы с помощью обширнейших сравнительных материалов и доказательств. Другие довольствуются нагромождением синонимов, долженствующих обозначить цель, к которой они стремятся.

Фрейд понимает это стремление к цели ретроспективно: он смотрит на него как на удовлетворение инфантильных желаний в фантазиях. Адлер, бывший ученик Фрейда, сводит это целеустремление к удовлетворению воли к могуществу, достижению власти. Для него создание болезненной системы есть мужественный либо мужской протест, средство больного обезопасить свое угрожаемое превосходство. И это стремление и вся болезненная

система, созданная с целью удовлетворить его, одинаково инфантильны. Отсюда нетрудно стать на сторону Фрейда при его отрицании взглядов Адлера, ибо он подчиняет инфантильное стремление к могуществу своему понятию инфантильного исполнения желаний.

Этот болезненный продукт под конструктивным углом зрения окажется ни инфантильным, ни — в своей внутренней сути — патологическим, а субъективным, т. е. его существование вполне оправдывается. Конструктивная точка зрения отрицательно относится к предположению, по которому такой субъективный продукт есть лишь символически замаскированное инфантильное желание или же упорно поддержанная фикция о превосходстве самого больного над окружающим. О субъективном психическом процессе можно судить извне, как и о всяком ином; но суждение это будет несостоятельно, ибо субъективное по самой природе своей не подлежит объективному суждению. Нельзя измерять пространство мерою веса. Субъективное можно понимать исключительно субъективно, другими словами — конструктивно. Всякое другое суждение несостоятельно.

Совершенное доверие, оказываемое с конструктивной точки зрения, естественно представляется насилием над человеческим разумом, если стоять на объективной точке зрения. Но, как только данное построение окажется явно субъективным, всякая аргументация против него отпадает сама собой. Конструктивное понимание также анализирует, но этот анализ не является исключительно редуктивным. Он разлагает болезненный продукт на типичные его компоненты. То, что рассматривается как "тип", в любой момент зависит от масштаба нашего опыта и знания. Даже наиболее индивидуальные системы не единственны в своем роде — они всегда обнаруживают явные аналогии с какими-либо другими системами. Сравнительный анализ многих систем установил известные их средние типы. Конструктивный метод посредством анализа подводит эти системы под общие типы, а не под универсальные принципы, подобно "сексуальности" или "стремлению к власти". Мы проводим известные параллели между индивидуальными творениями и общими типами с целью подвести более обширный фундамент под наши построения. В то же время благодаря этим параллелям становятся возможными и объективные сообщения. Не проводя их, наше построение осталось бы исключительно субъективным; мы бы применили к нему выражения и материалы понятные лишь для самого больного и для наблюдающего за ним, а не для публики, которой, разумеется, не могут быть известны индивидуальные мысли и выражения всякого данного случая.

Вышеупомянутые изыскания цюрихской школы в точности приводят изучаемые ими индивидуальные материалы. Тут мы находим множество типичных образов и сцеплений, являющихся очевидными параллелями известных мифологем. Подобные параллели исторических и этнографических творений и индивидуальных фантазий стали важнейшим источником сравнительного изучения болезненной психики. Нелегко без дальнейших обсуждений признать возможность подобного сравнения. Тут нужно лишь установить, действительно ли схожи сравниваемые творения. Вы, вероятно, возразите, что нельзя прямо сравнивать патологические творения с мифологическими. Но подобное возражение несостоятельно априори, ибо лишь после тщательного сравнения мы вправе определить, существует ли между ними какой-либо параллелизм, или нет. В настоящее время мы знаем, что оба они суть продукты творческой фантазии бессознательного. Один лишь опыт может показать, значимо или нет подобное сравнение. Все, что нам до сих пор стало известно, заставляет меня верить в возможность дальнейших успехов в этой области.

Я наглядно показал применение конструктивного метода в моем сочинении *Метаморфозы и символы либидо*. Тут разобраны фантазии молодой девушки, первоначально изложенные Флурнуа, известным профессором психологии Женевского университета. Моя

книга вызвала бесчисленные недоразумения, Впрочем, вполне понятные, принимая во внимание чрезвычайную трудность объективного приложения конструктивного метода.

Здесь я хотел бы коснуться некоторых пунктов, наиболее вызывающих недоразумения. Изучая случай, аналогичный случаю Шребера, разобранному Фрейдом, нетрудно убедиться, что подобные больные страдают преувеличенным желанием создать известную систему мира — лучше сказать, свою собственную мировую систему — то, что по-немецки выражается труднопереводимым словом *Weltanschauung*. [В русском языке это соответствует понятиям "мировоззрение" или "философия жизни" — ред.] Явное их усилие направлено к тому, чтобы создать систему, позволяющую им ассимилировать целую серию неизвестных им явлений их собственной психологии, или, иначе говоря, приспособить к миру свое собственное бессознательное. Результатом подобного усилия является субъективная система, на которую следует смотреть как на необходимый переход к окончательному приспособлению. Однако больной так и остается в этой переходной стадии и принимает свою, лишь предварительную и переходную формулировку за окончательное миропонимание. Таким образом он остается больным. Он не способен отделаться от субъективизма и поэтому никогда не сможет достигнуть объективного мышления, т. е. общезначимого мышления человеческого общества. Он никогда не достигает полного понимания, ибо остается при чисто субъективном самопознании, исключаящем его общение с другими; Фейербах же говорит, что понимание действительно лишь в том случае, если оно согласуется с пониманием других разумных существ. Только таким образом возможно достигнуть приспособления к действительной жизни.

Несомненно, весьма многие люди в состоянии приспособиться, не усваивая никаких "взглядов" и не создавая никаких "понятий". Если они и доходят до общего взгляда, то это бывает лишь после приспособления. С другой же стороны, весьма много и таких, которые в состоянии приспособляться лишь посредством предварительного сложившегося понимания или формулировки предстоящей им задачи. Ко всему же ими не понятому они приспособиться не могут. Можно утверждать как общее правило, что и приспособляются они постольку, поскольку они в состоянии мышлением охватить данное положение. К последнему типу, как кажется, принадлежат все те больные, которых мы касаемся здесь.

Медицина разделяет функциональные нервные заболевания на две группы: в первую входят болезни, которые объединены общим названием истерии, во вторую — все те формы, которые французская школа именует психастениями. Несмотря на то, что диагноз их не вполне точно установлен, все же тут обнаруживаются два несомненно различных типа, психология которых диаметрально противоположна. Истерический тип я назвал экстравертным, психастенический же — интровертным. Раннее слабоумие, поскольку мы до сих пор изучали его психологию, принадлежит к последнему. Эта терминология — экстраверсия и интроверсия — зависит от моего энергетического понимания психических явлений. Я выдвигаю гипотезу энергии, которую обозначаю именем либидо. В английской версии моей работы я употребляю термин *horme*, — "*horme*" есть слово греческое; оно означает: сила, нападение, напор, стремительность, насилие, понуждение, рвение. Ногте — понятие родственное *elan vital* Бергсона. Это энергетическое выражение для психологической ценности (*Wert*). Психологическая ценность есть нечто действенное и определяющее; ее можно поэтому рассматривать с энергетической точки зрения.

Но вернемся к либидо. Оно является энергетическим выражением психологической ценности. Психологическая ценность есть нечто, что обладает эффектом, результативностью, следовательно, это понятие можно рассматривать с энергетической точки зрения не прибегая к точному измерению.

Для интровертного типа характерно то, что он преимущественно применяет свое либидо к самому себе, т. е. в себе самом находит безусловные ценности, тогда как тип экстравертный применяет либидо к миру внешнему, к объекту, к не-я (non-ego), т. е. находит безусловные ценности вовне. Интровертный на все смотрит под углом зрения ценности своего я; экстравертный же всецело полагается на ценности объекта. К сожалению, время не позволяет мне входить в дальнейшие подробности. Я хотел бы лишь выдвинуть тот факт, что вопрос о типах есть жизненный вопрос для нашей психологии. Мне представляется, что она может развиваться только исходя из этой задачи, до сих пор еще не достаточно разработанной. К ней относится мое исследование по вопросу о психологических типах. [/74/ — ред.] Уильям Джеймс дает прекрасное описание двух философских типов в своей книге Прагматизм, а германский поэт Фридрих Шиллер разбирает их с эстетической точки зрения в своих рассуждениях о наивной и сентиментальной поэзии. В схоластической философии эти же типы представлены школами номиналистов и реалистов. В области медицинской психологии, представителем учения экстраверсии является Фрейд, интроверсии — ученик его, Адлер. Непримируемое противоречие взглядов Фрейда и Адлера весьма просто объясняется существованием двух видов психологии, которые рассматривают каждое движение с совершенно различных сторон. Экстравертная и интровертная психология отличаются друг от друга как день и ночь.

Экстравертный едва ли в состоянии понять необходимость, заставляющую интровертного прибегнуть для приспособления к установлению общего понятия. Однако необходимость эта, без сомнения, налицо, иначе не существовало бы философских систем или догм, притязавших на всеобщую значимость; образованное человечество состояло бы из одних эмпириков, и все науки были бы исключительно эмпирическими. Нет никакого сомнения в преобладающем значении каузальности и эмпиризма в настоящей науке. Но мы еще не на высоте нашего развития, и время многое может изменить.

Разница типов есть первое и величайшее препятствие на пути к общему соглашению относительно основных понятий нашей психологии. Вторым же препятствием, имеющим ближайшее отношение к конструктивному методу, является то обстоятельство, что этому методу отнюдь не приходится соотносываться с каким-либо учением или с какими-либо ожиданиями, а лишь приспособляться к главному направлению самих фантазий. Направление болезненного мышления надо принять и проследить: таким образом сам наблюдатель становится на точку зрения психоза. Положим, подобный образ действий может привести к тому, что окружающие сочтут его самого психически расстроенным, или, по меньшей мере, будут подозревать его в философских убеждениях, а это в настоящее время является несколько рискованным. Однако полезно убедиться в том, что всякий имеет свою философию, хотя многие и сами об этом не подозревают — они просто руководствуются бессознательными, т. е. не соответствующими их сознанию, архаичными взглядами. Ибо все психологическое, остающееся в небрежении и неразвитым, пребывает в первобытном состоянии. Известный германский историк [Речь идет о Карле Лампректе. /75-С.125/. — ред.] дает весьма яркий пример подобного влияния бессознательно-архаичных мнений на сознательное мышление; он признает вполне естественным, что первые люди плодились путем кровосмешения, ибо в первой семье сыну не было иного выбора как между собственными сестрами. Эта изумительная теория, очевидно, основана на бессознательной вере в Адама и Еву, как единственную первую человеческую чету. Хорошо иметь основательно разработанную философскую точку зрения, дабы избежать ошибок подобного рода.

Результатом конструктивной разработки системы фантазий обыкновенно является известного рода мировоззрение (Weltanschauung). Но подобный взгляд на мир ничего общего с научной теорией мироздания не имеет: это всегда лишь субъективная психологическая

теория, хотя последнее слово тут не вполне применимо: правильнее будет обозначить ее направлением субъективного психологического развития, а это является результатом конструктивного метода. Большим преимуществом редуктивного метода является его несложность, ибо он просто сводит все к общеизвестным простейшим принципам. Конструктивный же метод должен построить целую систему, направленную к неизвестной цели. Элементами построения служат сложные компоненты настоящей психики. Подобный труд вынуждает исследователя принимать во внимание все силы, действующие в психике данного человека.

Аналитический редуктивный метод пытается заменить религиозные и философские запросы человечества более элементарными взглядами, следуя принципу "это просто лишь..." ("nothing but" по прекрасному выражению Джеймса); конструктивный же метод признает их в том виде, как они есть, и смотрит на них как на необходимые составные части своей работы. Разумеется, такая работа должна идти далеко за пределы основных эмпирических понятий: это вполне совпадает и с сущностью человеческого ума, который никогда не довольствуется только опытом. Новая мысль зарождается из умозрения, а не из опыта. Без умозрения опыт не приводит ни к чему.

Я вполне сознаю, что как понятие либидо соответствует *elan vital* Бергсона, так и конструктивный метод перекликается с его интуитивным методом. Но я ограничиваюсь психологией и практически-психологической работой, ибо для меня всякая понятийная формула по существу своему психологична. Не только либидо, но и *elan vital* суть древнейшие понятия первобытного человечества. У всех почти первобытных мы находим приблизительно тождественные понятия о динамической душевной субстанции или психической энергии. Ее определение в точности соответствует определению либидо, конечно, принимая во внимание неизбежную разницу выражения людей цивилизованных и нецивилизованных. Понятие о психической субстанции, главным образом, обретается в первобытнейших динамических представлениях. С объективной, или научной точки зрения понятие либидо есть недопустимая регрессия к исконному суеверию. С конструктивной же точки зрения самое существование этого понятия в течение неисчислимых веков говорит за его практическую применимость, ибо оно принадлежит к тем исконным символическим образам, что всегда способствовали процессам превращения нашей жизненной энергии.

Юнг К.-Г.



С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

